

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап

8 класс

Задание. Прочитайте рассказ В. Токаревой «Алик и Адик» и напишите отзыв на это произведение (70 баллов)

В. Токарева

Алик и Адик

Городок был маленький, провинциальный, весь в садах.

Посреди города протекала речка – не широкая, но чистая и, главное, своя. Городская. Все лето в ней купались мальчишки и даже взрослые. Переплывали от одного берега до другого.

На берегу стоял зоопарк – небольшой и непримечательный. Слона в нем не было, и тигра тоже не было. А крокодил был. Его звали Алик, производное от слова аллигатор.

Многие считали, что крокодил ненастоящий, чучело. Потому что он не двигался, все время находился в одной позе и смотрел перед собой безо всякого выражения. Глаза его были тусклые от пыли. Некоторые видели, как работница зоопарка тетя Клава протирала его глаза мокрой тряпкой. А разве возможно у живого крокодила протирать глаза? У него пасть от уха до уха и зубы, как ножи-заточки. Вся морда состоит из пасти. Он лягнет зубами пару раз, и нет тети Клавы. Так что – конечно, чучело, муляж.

Пробовали на всякий случай, кидать крокодилу лакомства. Он не реагировал. Это еще раз подтверждало: в вольере чучело, и его живот набит соломой или старыми газетами, а может опилками.

Но однажды произошло стихийное бедствие. Где-то прорвало плотину, и город залило водой. Река вышла из берегов. Вода поднялась и подмыла зоопарк. Разрушила железную решетку вольера и вымыла Алика со своего места. Вынесла в речку.

И тогда все увидели невероятное. Алик заработал лапами, проплыл в одну сторону реки, потом в другую, потом стал кувыркаться через голову, и его хвост шумно стучал о воду. Мелькали попеременно: морда и хвост.

Далее, Алик взмыл над водой по пояс, и все увидели его счастливое лицо, иначе не скажешь. Он улыбался. Зубы его были молодые и белые. А глаза горели, как два изумруда. Это был не плотоядный блеск хищника. Нет. Это было сияние счастья.

Алик развел передние лапы в разные стороны и плавно задвигался, как в ансамбле «Березка». Потом он расположил обе лапы в одну сторону на манер лезгинки и стал нарезать круги по воде.

Алик радовался, ликовал. Снова кувыркнулся и снова вздымал себя над водой.

Светило солнце, шел веселый грибной дождь. Весь город забыл про неудобство наводнения и высыпал на берег. Стояли по грудь в воде. Многие приплыли на лодках.

Счастье крокодила передалось людям. Счастье также заразно, как и несчастье. Люди радовались, глядя на свободного Алика. Хоть он и аллигатор, но ведь тоже живая душа. К тому же, он ничего плохого городу не сделал. Просто лежал себе и лежал, показывал свою спину из крокодиловой кожи. А сейчас у него праздник. И люди тоже радовались, хоть и вода. А вода – что? Она же не вечно будет стоять так высоко. Осядет. И уйдет.

Так и было. Плотину починили в аварийном темпе. Вода ушла.

Пожарные накинули на Алика сетку и выволокли его из реки. Вернули в вольер.

Пришли сварщики, починили решетку. И все – как было: вольер, в нем крокодил Алик.

На другой день его глаза стали тусклыми, хвост неподвижно замер, на морде – никакого выражения.

И снова многие засомневались: а может это чучело? И было невозможно себе представить, что тот крокодил, в реке, и этот, в вольере, – один и тот же экземпляр.

Эту историю рассказала мне моя бабушка, когда я была маленькая. А теперь я сама бабушка. И у меня есть внучка Даша.

Я надела на Дашу новое пальто: синее, с двумя рядами золотых пуговиц. И мы с ней отправились в зоопарк.

Первым делом мне захотелось посмотреть на крокодила. Он находился в стеклянном боксе для своей собственной безопасности, поскольку некоторые подвыпившие посетители кидали в крокодила пустые бутылки.

На боксе висела табличка с информацией: миссисипский аллигатор, подарен Советскому Союзу правительством Великобритании в 1946 году. До войны он обитал в берлинском зоопарке, а также успел побыть питомцем личного зверинца фюрера. Его имя было Сатурн, а за глаза «Гитлер» и «Адольф», сокращенно Адик. Сейчас Адик у восьмидесяти пяти лет.

Я смотрю на него и вижу: старик. Казалось бы, на аллигаторах возраст незаметен. Еще как заметен. Пузо висит. Подбородок висит, как будто он положил в рот кирпич.

Я вглядываюсь в его глаза под тяжелыми веками и подозреваю, что у Адика депрессия. Его ничего не радует и не интересует.

Он не обращает внимания на посетителей, лежит и грустит, и возможно вспоминает.

Говорят, что именно Адик стал прототипом Крокодила Гены. Это маловероятно. Гена – добродушный, положительный. Добродушных крокодилов в природе не бывает, иначе зачем природа снабдила их такими зубами?

А вот грустные крокодилы бывают. И есть. Они тяжело переживают неволю и превыше всего ценят свободу.

Глаза у Адика большие и тусклые. Хочется протереть их тряпкой. Говорят, он оживляется только в тех случаях, когда слышит немецкую речь. Тогда он приподнимает голову и жадно вслушивается.

Он вслушивается в свою молодость, в то время, «когда фонтаны были голубыми и розы красные росли»...

Внучка стала дергать меня за руку. Ей надоело стоять на одном месте.

Мы перешли к птицам.

В клетке сидела пара попугаев, обнявшись крыльями. Они не расставались.

Молодой парень, работник зоопарка, сыпал им корм.

– Они так и будут сидеть? – спросила я.

– У них любовь, – объяснил парень. – Это его вторая жена.

– А первая где?

– Он ее заклевал.

– До смерти? – испугалась я.

– Нет. Но пришлось их развести по разным клеткам. Они не могли ужиться.

– Почему?

– Лола была скромная, безответная. Она его раздражала. Ему хотелось втереть ее пяткой в землю. А эта, вторая, ни с кем не считается, дерется, вопит, законченная оторва. Он ее обожает.

– Все как у людей, – заметила я.

– Ну конечно. Люди – ведь это тоже животный мир.

Мы с Дашей посмотрели жирафа Самсона и слона по имени Памир.

– А кто умнее, слон или человек? – спросила Даша.

– А как ты думаешь?

– Слон. У него голова больше.

Я посмотрела на часы. Пора было возвращаться домой.

– Идем к обезьянам, – потребовала внучка.

Я не люблю обезьян за то, что они действительно человекообразные. Шарж на человека. Подчеркивают все отвратительное в человеке.

– Пойдем, – настаивала Даша. – Они меня еще не видели.

Я поняла: моя внучка приходила в зоопарк не для того, чтобы посмотреть, а чтобы показать себя в новом пальто.

Возможно, звери ее запомнят. А так как многие звери и птицы живут дольше людей, то вполне вероятно, что они узнают Дашу через двадцать лет и даже через пятьдесят, когда она придет сюда со своими внуками. Запомнят не только Дашу, но и ее пальто, – синее, с золотыми пуговицами, похожее на морской китель.